

ДЖОН ДОС ПАССОС

Манхэттен

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 70

John Roderigo Dos Passos
MANHATTAN TRANSFER

Перевод с английского Валентина Стенича
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой

Дос Пассос Дж.

Д 70 Манхэттен : роман / Джон Дос Пассос ; пер. с англ. В. Стенича. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-25962-1

Джон Дос Пассос (1896–1970) — американский писатель португальского происхождения, прозаик, драматург и эссеист, при жизни ставший классиком литературы США. Неповторимый творческий почерк и смелость в поисках новых форм снискали ему славу художника-экспериментатора, а созданные им произведения представляют собой уникальную по широте охвата панораму жизни Америки на заре XX века. Главный труд и вершина творчества Дос Пассоса — монументальная эпопея «США».

Роман «Манхэттен» является одним из важнейших в творчестве Дос Пассоса и одним из самых смелых его экспериментов. Цепочка хаотично связанных судеб в кипящем котле целеустремленного, энергичного, но равнодушного и жестокого города — матрицы всех мегаполисов мира — создает необычайно острое ощущение времени между «паникой 1893», которой завершился «позолоченный век» восстановления после гражданской войны Севера и Юга, и колоссальным биржевым крахом 1929 года, погрузившим страну в Великую депрессию. Ревущие двадцатые, время модернизации, бурного развития и самых смелых экспериментов.

В свое время роман вызвал интерес Сергея Эйзенштейна, чье творчество очевидно повлияло на Дос Пассоса. Но впоследствии писатель выступил с разоблачениями деятельности ГПУ в Испании, и его произведения на долгие десятилетия оказались недоступны для советских читателей; переводчик романа Валентин Стенич был расстрелян в 1938 году.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-25962-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Азбука®

I. ПАРОМ У ПРИСТАНИ

Три дикие чайки кружатся над разбитыми ящиками, над апельсинными корками, над гнилыми кочанами капусты, выглядывающими из-за расщепленных свай, зеленые волны пенятся под круглым носом, паром тормозит течение, громыхает, глотает взволнованную воду, скользит, медленно входит в гнездо. Жужжат лебедки, грохочут цепи. Ворота распахиваются, шаркают ноги, мужчины и женщины жмутся в деревянном, пропахшем навозом туннеле, тиская и толкая друг друга, как яблоки под прессом.

Держа корзину, точно ночную посудину, в оставленных руках, сиделка открыла дверь в большую, сухую, жаркую комнату с зелеными выцветшими стенами. В воздухе, пропитанном запахом спирта и йодоформа, дрожал мучительный, слабый, унылый крик. Он доносился из ряда корзин, висевших вдоль стены. Поставив свою корзину на пол, поджав губы, сиделка заглянула в нее. Новорожденный ребенок слабо копошился в вате, точно комок земляных червей.

На пароме пожилой мужчина играл на скрипке. У него было обезьянье лицо, стянутое все в одну сторону, и он отбивал такт носком потрескавшегося лакового башмака. Бэд Корпнинг сидел на перилах спиной к реке и наблюдал за ним. Ветерок играл его волосами, выбившимися из-под тесной кепки, и охлаждал потные виски. Его ноги были покрыты пузырями, усталость давила его свинцовой тяжестью, но, когда паром отошел от берега, вздымая ленивые, лепечущие волны, он сразу ощутил какой-то теплый, пронизывающий трепет.

— Скажите-ка, приятель, как далеко от пристани до города? — спросил он молодого человека в соломенной шляпе и полосатом галстуке, стоявшего рядом с ним.

Молодой человек перевел глаза с изношенных башмаков Бэда на красные кисти рук, свисавшие из потертых рукавов куртки, потом на пергаментную, индюшечью шею и встретил напряженный взгляд из-под изломанного козырька.

— Зависит от того, в какое место города вам нужно.

— Мне нужно на Бродвей, в центр, — туда, где можно достать работу.

— Пройдите один квартал на восток, сверните на Бродвей, прогуляйтесь как следует — может, что и найдете.

— Благодарю вас, сэр. Так и сделаю.

Скрипач обходил толпу с протянутой шляпой, ветер развевал пряди серых волос на его жалкой плешивой голове. Бэд увидел склоненное к нему лицо; глаза, точно две черные шпильки, пронизывали его.

— Нет ничего, — сказал он грубо и отвернулся, глядя на реку, сверкавшую, как лезвие ножа.

Гнилые сваи гнезда затрещали, когда паром стукнулся о них; загрохотали цепи, и толпа вынесла Бэда на берег. Он протиснулся между двумя вагонами с углем и вышел на пыльную улицу. Его колени дрожали. Он глубоко засунул руки в карманы.

На улице стоял фургон-ресторан. Он неуклюже сел на вращающийся стул и долго просматривал меню.

— Яичницу и чашку кофе.

— Перевернуть? — спросил рыжий буфетчик; он стоял за прилавком и вытирал передником мясистые, веснушчатые руки.

Бэд Корпнинг вздрогнул и выпрямился:

— Что?

— Я говорю — яйца перевернуть или вам простую глазунью?

— Да, конечно, переверните.

Бэд снова склонился над прилавком, обхватив голову руками.

— Видать, здорово устали, приятель, — сказал буфетчик, выпуская яйца в шипящий жир сковороды.

— Я нездешний. Сегодня утром я прошел пятнадцать миль.

Буфетчик свистнул сквозь зубы.

— Пришли в город искать работу, а?

Бэд кивнул.

Буфетчик шлепнул шипящую, подрумяненную яичницу на тарелку и пододвинул ее Бэду вместе с хлебом и маслом.

— Я вам кое-что посоветую, приятель. Совет даровой. Побрейтесь-ка, постригитесь и стряхните солому с платья, раньше чем отправитесь искать работу. Легче найдете. Тут с этим очень считаются.

— Я хороший работник, — промычал Бэд с набитым ртом.

— Да я так просто, — сказал рыжий буфетчик и отвернулся к плите.

Когда Эд Тэтчер поднимался по мраморной больной лестнице, он весь дрожал. Запах лекарств перехватил ему дыхание. Женщина с накрахмаленным лицом смотрела на него из-за конторки. Он постарался придать своему голосу твердость:

— Скажите, пожалуйста, как чувствует себя миссис Тэтчер?

— Поднимитесь наверх.

— А все ли благополучно, мисс?

— Все узнаете у сиделки. Лестница налево, третий этаж, родильная палата.

Эд Тэтчер держал букет цветов, завернутый в зеленую восковую бумагу. Широкие ступеньки уходили у него из-под ног, он стучался носками сапог о медные палки, стягивавшие фибровую дорожку. Где-то захлопнулась дверь и оборвала придушенный крик. Он остановил проходившую сиделку:

— Я хотел бы видеть миссис Тэтчер.

— Идите, если вы знаете, где она.

— Ее куда-то перенесли.

— Тогда спросите у конторки в конце приемной.

Он закусил похолодевшие губы. В конце приемной краснолицая женщина смотрела на него, улыбаясь.

— Все прекрасно. Вы — счастливый отец прелестной девочки.

— Видите-ли, это наш первый ребенок, а Сузи такая хрупкая... — пролепетал он, моргая.

— О, я понимаю, вы волнуетесь... Можете войти и побеседовать с ней, когда она проснется. Младенец родился два часа тому назад. Только не утомляйте роженицу.

Эд Тэтчер был маленький человек с двумя светлыми пучками усов, с водянистыми серыми глазами. Он схватил руку сиделки и потряс ее, обнажая в улыбке неровные желтые зубы.

— Понимаете, первый ребенок...

— Поздравляю, — сказала сиделка.

Ряды кроватей в желтом свете газа, тяжелый запах сбившихся простынь, лица — толстые, тонкие, желтые, белые. Вот она. Желтые волосы Сузи лежали прядями вокруг маленького бледного личика, казавшегося сморщенным. Он развернул розы и положил их на ночной столик. Он посмотрел в окно, и ему показалось, что он смотрит в воду. Деревья в садике были окутаны голубой паутиной. На авеню вспыхивали фонари, заливая

зеленым сиянием кирпично-красные массивы домов; желоба и трубы врезались в небо, багровое, как мясо. Синие веки приподнялись.

— Это ты, Эд?.. К чему это, Эд? Как ты расточителен.

— Не мог удержаться, дорогая, — ты их так любишь. Сиделка возилась у кровати.

— Можно посмотреть на малютку, мисс?

Сиделка кивнула. У нее были впалые щеки, серое лицо и сжатые губы.

— Я ненавижу ее, — прошептала Сузи. — Она меня раздражает, эта женщина. Скверная старая дева!

— Не обращай внимания, дорогая, потерпи еще день-два.

Сузи закрыла глаза.

— Ты все еще хочешь назвать ее Эллен?

Сиделка принесла корзинку и поставила ее на кровать около Сузи.

— Какая прелесть! — воскликнул Эд. — Смотри, она дышит. Они намазали ее маслом.

Он помог жене приподняться на локте; желтая прядь ее волос распуталась, упала на его руку.

— Как вы отличаете их, нянюшка?

— Бывает, что и не отличаем, — ответила сиделка, растягивая рот в улыбке.

Сузи жалобно посмотрела на крошечное багровое личико:

— Вы уверены, что это моя?

— Конечно.

— Но ведь на ней нет никакой отметки.

— Я потом отмечу.

— Но моя была черноволосая! — Сузи упала на подушку, задыхаясь.

— У нее чудный светлый пушок, того же цвета, что ваши волосы.

Сузи подняла руки над головой и пронзительно закричала:

— Это не моя, не моя! Уберите ее... Эта женщина украла моего ребенка!

— Дорогая, ради бога... Дорогая, ради бога... — Он попробовал натянуть на нее одеяло.

— Скверно, — сказала сиделка, спокойно забирая корзинку. — Надо будет дать ей успокоительное.

Сузи сидела на кровати выпрямившись.

— Уберите ее! — закричала она и забилась в истерике.

— О господи! — крикнул Эд Тэтчер, ломая руки.

— Вы лучше уходите, мистер Тэтчер, она успокоится сразу, как только вы уйдете. Я поставлю розы в воду.

На лестнице он поравнялся с толстым мужчиной, который медленно спускался вниз, потирая руки. Их взгляды встретились.

— Все в порядке? — спросил толстый мужчина.

— Да, кажется, — слабо сказал Тэтчер.

Толстый мужчина повернулся к нему; в его хриплом голосе булькала радость.

— Поздравьте меня, поздравьте меня! Моя жена родила мальчика.

Тэтчер пожал его пухлую маленькую руку.

— А у меня девочка, — робко сказал он.

— Пять лет подряд каждый год по девочке, а теперь, представьте себе, мальчик.

— Да, — сказал Эд Тэтчер, — это великий день.

— Вы не откажетесь, сэр, выпить со мной по этому поводу? Позвольте пригласить вас.

— С удовольствием.

На углу Третьей авеню хлопали решетчатые двери бара. Аккуратно вытерев ноги, они прошли в заднюю комнату.

— Ах, — сказал толстый мужчина, по-видимому немец, усаживаясь за изрезанный коричневый стол, — семейная жизнь причиняет много беспокойств.

— Совершенно верно, сэр. Это мой первый ребенок.

— Угодно вам пива?

— Пожалуйста, мне все равно.

— Две бутылки кульмба́хского — моего родного. — (Хлопнули пробки, и окрашенная сепией пена поднялась в стаканах.) — За наши успехи... Прозит, — сказал немец и поднял свой стакан. Он отёр пену с усов и ударил по столу розовым кулаком. — Не сочтите за нескромность, мистер...

— Меня зовут Тэтчер.

— Не сочтите за нескромность, мистер Тэтчер, если я полюбопытствую — какова ваша профессия?

— Счетовод. Надеюсь в скором времени стать главным счетоводом.

— А я владелец типографии, и зовут меня Зухер — Марк Антоний Зухер.

— Очень приятно, мистер Зухер.

Они пожали друг другу руки над столом между бутылками.

— Главные счетоводы зарабатывают много денег, — сказал мистер Зухер.

— Мне нужно много денег — для моей девочки.

— Дети поглощают много денег, — заметил мистер Зухер густым басом.

— Разрешите угостить вас бутылочкой, — сказал Тэтчер, высчитывая, сколько у него денег в кармане. «Бедняжка Сузи была бы недовольна, если б узнала, что я пью в таком кабаке. Ну ничего, только один раз; и я учусь — учусь законам отцовства».

— Чем больше, тем веселей, — сказал мистер Зухер. — Да, я говорю, дети поглощают много денег... Ничего не делают — только едят и изнашивают платье.

Когда я поставлю свое дело на ноги... Ах! Так все это трудно — закладные заедают, денег занять негде, заработная плата растет, а тут еще эти сумасшедшие социалисты с их профессиональными союзами, бродяги...

— Ну ничего, мистер Зухер.

Мистер Зухер выжал пену из усов большим и указательным пальцем. — Верно, ведь не каждый же день рождается мальчик, мистер Тэтчер.

— Или девочка, мистер Зухер.

Бармен принес еще несколько бутылок, вытер стол и остановился неподалеку, прислушиваясь; полотенце болталось на сгибе его красной руки.

— И я надеюсь, что, когда мой сын будет вспрыскивать рождение своего сына, он будет пить шампанское. Да, вот такие-то дела...

— Я бы хотел, чтобы моя девочка была скромной и тихой — не то что нынешние барышни; они только и думают что о тряпках, кружевах, да шелковых чулочках. А я к тому времени уйду со службы, обзаведусь домиком на Гудзоне, буду по вечерам копать в саду... У меня есть знакомые — они ушли на покой с тремя тысячами в год. Копить надо — в этом весь секрет.

— Никакого смысла нет копить, — сказал бармен. — Я десять лет копил, а банк возьми и лопни. Только чекочная книжка мне и осталась. Надо завести знакомства на бирже и воспользоваться подходящим случаем — это единственный шанс.

— Так ведь это чистейший азарт, — ответил Тэтчер.

— А вы что думали, сэр? Азарт и есть, — сказал бармен и пошел к стойке, помахивая двумя пустыми бутылками.

— Азарт! Но он прав, — сказал мистер Зухер, глядя в свой стакан стеклянными задумчивыми глазами. — Честолюбивый человек должен ловить шанс. Често-

любие погнало меня сюда из Франкфурта, когда мне было двенадцать лет. А теперь у меня есть сын, и он будет работать... Я назову его Вильгельмом, в честь нашего великого кайзера.

— А моя дочка будет Эллен, как моя мать. — Глаза Эда Тэтчера налились слезами.

Мистер Зухер встал:

— Ну, до свидания, мистер Тэтчер. Очень приятно было познакомиться. Мне пора домой, к моим девочкам.

Тэтчер еще раз пожал пухлую руку. Теплые, нежные мысли о материнстве и отцовстве, об именинных тортах и Рождестве проносились в его голове; сквозь пенную, окрашенную сепией пелену он смотрел, как мистер Зухер выходил из бара. Вдруг он протянул руки. «Бедняжка Сузи была бы недовольна, если б узнала, что я здесь... Все для нее и для малютки!»

— А платить кто будет? — рявкнул бармен, когда он дошел до дверей.

— Разве тот не заплатил?

— Черта с два!

— Да ведь он у-угощал меня...

Бармен расхохотался, загребая деньги красной ладонью. Он копит — видно, он в это дело все-таки верит.

Маленький, бородатый, кривоногий человек в котелке шел по Аллен-стрит, по исполосованному солнцем переходу, увешанному небесно-голубыми, багрово-красными и горчично-желтыми одеялами, уставленному подержанной дубовой мебелью. Сложив холодные руки за спиной, над фалдами сюртука, он пробирался между ящиками и снующими детьми. Он кусал губы и то сплетал, то расплетал пальцы. Он шел, не слыша детского крика и убийственного грохота воздушных поездов над его головой, не чувствуя тошнотворного, сладкого, одуряющего запаха скученных жилищ.

У желтой двери аптекарского магазина на углу Канала он остановился и уставился невидящим взглядом на зеленую рекламу. На ней было изображено солидное, чисто-выбритое почтенное лицо с дугообразными бровями и пушистыми, аккуратно подстриженными усами — лицо человека, у которого есть деньги в банке, оно торжественно возвышалось над стоячим воротником с отогнутыми уголками и широким, просторным черным галстуком. Под ним конторским почерком было выведено: «Кинг К. Жиллетт». Сверху красовался девиз: *Не точить, не править*. Бородатый человек сдвинул котелок с потного лба на затылок и долго глядел в гордые, многодолларовые глаза Кинга С. Жиллетта. Потом он стиснул кулаки, расправил плечи и вошел в аптекарский магазин.

Жены и дочерей не было дома. Он согрел чашку воды на газовой плите. Ножницами, найденными на камине, отрезал длинные коричневые пряди бороды. Потом стал очень осторожно бриться новой никелевой сверкающей безопасной бритвой. Он стоял перед тусклым зеркалом и, дрожа, поглаживал пальцами свои гладкие белые щеки. Подстригая усы, он услышал за своей спиной шум. Он повернул к вошедшим свое лицо — гладкое, как лицо Кинга К. Жиллетта, лицо с многодолларовой улыбкой. У двух девочек глаза вылезли из орбит.

— Мама... Посмотри на папу! — закричала старшая.

Жена ввалилась в комнату, как корзина с бельем, и закрыла передником лицо.

— Ой! Ой! — завывла она, покачиваясь.

— В чем дело? Тебе не нравится?

Он зашагал по комнате, размахивая сияющей безопасной бритвой и нежно поглаживая пальцами свой гладкий подбородок.

II. СТОЛИЦА

Были Вавилон и Ниневия: они были построены из кирпича. Афины — золотомраморные колонны. Рим — широкие гранитные арки. В Константинополе минареты горят вокруг Золотого Рога, точно огромные канделябры... Сталь, стекло, черепица, цемент — из них будут строиться небоскребы. Скученные на узком острове миллионнооконные здания будут, сверкая, вздыматься — пирамида над пирамидой, — подобно белым грядам облаков над грозowymi тучами.

Когда дверь комнаты закрылась за Эдом Тэтчером, он почувствовал себя одиноким, полным щекочущего беспокойства. Если бы только Сузи была здесь, он рассказал бы ей, как он станет зарабатывать, как он будет еженедельно откладывать на книжку десять долларов для маленькой Эллен; это составит пятьсот двадцать долларов в год... Через десять лет наберется, не считая процентов, пять тысяч долларов с лишним. Надо еще считать проценты на проценты с пятисот двадцати долларов — четыре годовых. Он возбужденно шагал по крохотной комнате. Газовый рожок уютно, по-кошачьи, мурлыкал. Его взгляд упал на заголовок газеты, лежавшей на полу около угольной корзинки. Он уронил ее, когда побежал за каретой, чтобы отвезти Сузи в больницу.

Принят билль, ставящий Нью-Йорк на второе место среди мировых столиц...

Тяжело дыша, он сложил газету и положил ее на стол. Вторая мировая столица. А отец хотел, чтобы я оставался в его глупом москательном складе в Онтеоре; так

бы и было, если бы не Сузи... Джентльмены, сегодня, когда вы предлагаете мне войти младшим компаньоном в вашу фирму, я хочу представить вам девочку, мою дорогую, жену то есть. Ей я обязан всем.

Он поклонился камину, и фалды его визитки смахнули фарфоровую статуэтку с консоли возле книжной полки. Он слегка прищелкнул языком и нагнулся, чтобы поднять ее. Голова голубой фарфоровой девочки была отбита. А бедняжка Сузи так любит безделушки. Лучше пойду спать.

Он распахнул окно и высунулся. В конце улицы с грохотом промчался поезд надземки. Струя дыма едко защекотала в носу. Он долго стоял у окна, глядя на улицу. Вторая столица мира. В кирпичных домах, в тусклом свете фонарей, в голосах мальчишек, ссорившихся на ступеньках дома напротив, в мерной, твердой поступи полисмена он чувствовал размеренный марш — словно солдаты шли по мостовой, словно колесный пароход поднимался по Гудзону, словно торжественная процессия направлялась по длинным улицам к какому-то зданию — белому, высокому, многоколонному, величественному. Столица.

Вдруг с улицы послышался топот. Кто-то крикнул, задыхаясь:

— Пожар!

— Где?

Мальчуганы сорвались со ступеней напротив. Тэтчер вернулся в комнату. Было невыносимо душно. Его тянуло выйти. Надо лечь спать. С улицы доносился лихорадочный стук копыт и бешеный звон пожарной машины. Только взглянуть. Он сбегал вниз со шляпой в руке:

— Где горит?

— В соседнем квартале.

— Жилой дом.

Горел шестиэтажный дом с узкими окнами. Уже поставили выдвижную лестницу. Коричневый дым, кое-где пронизанный искрами, валил из нижних окон. Три полисмена махали дубинками, оттесняя толпу к ступеням и решеткам на другую сторону улицы. На узком пространстве мостовой пожарная машина и красный насос сверкали медью. Толпа молча смотрела на верхние окна, где двигались тени и изредка вспыхивал огонь. Тонкий столб пламени встал над домом, как римская свеча.

— Двор как колодец! — прошептал кто-то на ухо Тэтчеру.

Порыв ветра наполнил улицу дымом и запахом горелых тряпок. Тэтчеру внезапно стало дурно. Когда дым рассеялся, он увидел нескольких человек, свисавших гроздьями с подоконников. Пожарные помогали женщинам сползать по лестнице. Пламя над домом вспыхнуло ярче. Что-то черное упало из окна и лежало на тротуаре, визжа. Полисмены оттесняли толпу в соседний квартал. Прибыло еще несколько пожарных машин.

— Пять частей вызвали, — сказал кто-то. — Что вы на это скажете? Все жильцы двух верхних этажей попались как в мышеловку. Наверно, поджог. Какой-нибудь проклятый поджигатель...

Молодой человек сидел, скорчившись, на тротуаре под газовым фонарем. Тэтчер опустился возле него — его протолкнула вперед напиравшая сзади толпа.

— Он итальянец.

— Жена его в этом доме.

— Фараоны его не пускают.

— А он им не может объяснить. Он не говорит по-английски.

На итальянце были голубые подтяжки, связанные на спине веревкой. Его спина содрогалась, и он время от времени бормотал какие-то слова, которых никто не понимал.

Тэтчер выбрался из толпы. На углу какой-то человек разглядывал пожарный сигнал. Проходя мимо, Тэтчер почуял запах керосина, исходивший от его платья. Человек, улыбаясь, заглянул ему в лицо. У него были бледные, дряблые щеки и глаза навывкате. У Тэтчера внезапно похолодели руки и ноги. Поджигатель. Вот так они и бродят и подстерегают! Об этом пишут в газетах. Он быстро пошел домой, взбежал по лестнице и запер дверь. Комната была спокойная и пустая. Он забыл, что Сузи не ждет его. Он начал раздеваться. Он не мог забыть запаха керосина, которым пахло платье того человека.

Мистер Перри сбивал тросточкой головки репейника. Агент по продаже недвижимого имущества певучим голосом излагал свои доводы:

— Не стану скрывать, мистер Перри, что такой удобный случай обидно было бы упустить. Вы знаете старую поговорку, сэр: «Удача не часто стучится к молодым людям». Через шесть месяцев — могу вам гарантировать — эти участки удвоятся в цене. Теперь, когда мы являемся частью Нью-Йорка, второго города в мире, сэр, вы не должны забывать, что... Придет время — я уверен, что мы оба доживем до него, — когда мосты один за другим скуют Восточную реку, соединив Лонг-Айленд и Манхэттен в одно целое; когда Квинс будет таким же центром, таким же сердцем великой столицы, каким теперь является площадь Астора.

— Знаю, знаю, но я ищу что-нибудь абсолютно верное. Кроме того, я хочу строиться. Моя жена была нездорова последние несколько лет.

— Но что может быть вернее моего предложения? Обратите внимание, мистер Перри, что я себе в убыток даю вам один из самых больших и надежных земельных участков. Я даю вам, кроме того, удобство, комфорт, роскошь. Нас, мистер Перри, помимо нашей воли увлекает мощная волна прогресса. Мы стоим на пороге великих событий. Все изобретения — телефон, электричество, стальные мосты, механическая тяга — все это открывает широчайшие перспективы, и мы должны быть впереди, в первых рядах прогресса. Господи, да разве все перескажешь?

Вороша тростью сухую траву и репейник, мистер Перри шевельнул какой-то предмет. Он нагнулся и поднял треугольный череп с парой загнутых спиралью рогов.

— Черт возьми! — проговорил он. — Замечательный был баран.

Одурев от запаха мыльного порошка, вежеталя и паленых волос, отягчавшего спертый воздух парикмахерской, Бэд сидел, склонив голову, свесив красные руки между колен.

— Следующий.

— А? Что? Ах да! Побрейте и постригите.

Пухлые руки парикмахера ворошили его волосы, ножницы шмелем жужжали над ухом. Его глаза слипались; он заставлял себя открыть их, пытался преодолеть сон. У края полосатой простыни, усыпанной светлыми волосами, он видел стриженую круглую голову негритенка, чистившего его башмаки.

— Да-с, сэр, — пробасил сосед. — Пришла пора Демократической партии начать...

— Шею побрить прикажете? — Лунное лоснящееся лицо парикмахера склонилось над ним; он кивнул. — Шампунь?

— Нет.

Когда парикмахер откинул спинку кресла, чтобы приступить к бритью, клиент вытянул шею, точно черепаха, перевернутая на спину. Мыльная пена расползлась по его лицу, щекоचा ноздри, забиваясь в уши. Он утонул в перинах мыльной пены, синей пены, черной, прорезанной далеким блеском бритвы, блеском мотыги сквозь сине-черные пенные облака. Старик, распростертый навзничь в картофельном поле, борода, вздернутая кверху, пенно-белая, полная крови. Носки, полные крови от волдырей на пятках. Руки стиснуты, холодные и красные, точно руки мертвеца под саваном. Дайте мне встать... Он открыл глаза. Пухлые пальцы трогали его подбородок. Он уставился глазами в потолок, где черные мухи описывали восьмерки вокруг фонаря из красной гофрированной бумаги. Язык во рту казался сухим кожаным ремнем. Парикмахер снова поднял кресло. Бэд, мигая, посмотрел вокруг.

— Сорок центов и пятак за чистку обуви.

Признался в убийстве увечной матери...

— Вы разрешите мне посидеть у вас и прочесть газету? — услышал он свой голос, вползавший в его уши, полные гула.

— Пожалуйста.

Сторонники Паркера¹ защищают...

Черные строки прыгают перед глазами. *Русские... Толпа забросала камнями...* (от нашего специального корреспондента, Трентон, Нью-Джерси).

Натан Сиббетс, четырнадцать лет от роду, сегодня, после двухнедельного упорного запирательства, сознался наконец, что он убил свою престарелую увечную мать, Ханну Сиббетс. Причиной убийства была ссора.

¹ *Элтон Брукс Паркер (1852–1926)* — юрист, демократ, соперник Т. Рузвельта на выборах президента в 1904 г.

Преступление было совершено в доме Сиббетсов на Джейкоб-Крик, в шести милях от города. Сегодня вечером он заключен в тюрьму. Дело передано в суд присяжных.

Помощь Порт-Артуру на глазах у неприятеля...
 Миссис Рикс потеряла прах мужа.

Во вторник, 24 мая, около половины десятого, — показал убийца, — я вернулся домой и поднялся наверх, чтобы лечь спать. Только я начал засыпать, как мать пришла наверх и сказала, чтобы я вставал, а если я не встану, то она сбросит меня с лестницы. Она схватила меня, чтобы сбросить меня с лестницы. Я первый толкнул ее, и она упала с лестницы. Я спустился вниз и увидел, что она сломала себе шею. Увидев, что она мертва, я выпрямил ей шею и прикрыл ее простыней, взятой с моей постели.

Бэд аккуратно складывает газету, кладет ее на стул и выходит из парикмахерской. На улице воздух пахнет толпой, полон шума и солнечного света. Иголка в стоге сена...

— Мне двадцать пять лет, — бормочет он вслух.

А мальчишке четырнадцать, подумайте... Он шагает быстрее по гудящим тротуарам. Сквозь стропила воздушной дороги солнце льет на синюю улицу теплые переливчатые желтые полосы. Иголка в стоге сена.

Эд Тэтчер сидел сгорбившись над роялем, наигрывая «Парад москитов». Воскресное послеполуденное солнце прорывало пыльным потоком тяжелые кружевные занавеси окна, барахталось в красных розах ковра, заполняло гостиную светлыми пятнами и бликами. Сузи Тэтчер неподвижно сидела у окна, наблюдая за Эдом слишком синими для ее болезненного лица глазами. Между ними, осторожно ступая среди роз по солнечному полю ковра, танцевала малютка Эллен. Две

ДЖОН ДОС ПАССОС МАНХЭТТЕН

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.07.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

A-AUM-34939-01-R